

О Б З О Р Ы

УДК 930.2

С. Г. Ким

**ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ГЕРМАНИИ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ «НОВОЙ ГУМАНИТАРНОСТИ»**

В условиях активно протекающих процессов обновления гуманитарных наук предпринят опыт анализа предложенных исторической антропологией моделей осмысления прошлого, нацеленных на постижение механизмов функционирования «живого целого», а не просто на систематизацию его разрозненных фрагментов с помощью абстрактных конструкций.

Характеризуя механизмы процесса модернизации историографии ФРГ, нельзя не отметить отчетливый сдвиг в научных интересах «исторической гильдии» к *conditio humana*. Разговор идёт об анализе различных человеческих деяний и судеб с целью получения, путем использования более сложных методик, «аутентичного знания» о прошлом. Взгляд на историю «снизу» и «изнутри», ориентация на изучение условий жизни, склада ума и форм поведения отдельного человека были охарактеризованы прессой ФРГ как «зелёное» движение в исторической науке. С ним связывались её надежды как на достижение новых рубежей в познании, так и на обновление всей системы ценностей, что делает её опыт интересным и поучительным.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ЕЁ «ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ»**

На просторах «новой гуманитарности» сформировалось сегодня множество версий «особого измерения» прошлого и осмысления его целостности. Их общим знаменателем стала неоспоримость того факта, что деятельность человека - это «способ бытия» исторической реальности. Действительно, человек постигает мир в формах своей собственной активности, а образы окружающих предметов сливаются для него с образами, построенными им самим. Его способность воплощать в жизнь свои намерения и достигать своих целей первоначально выступает составляющей его сознания и воли. Уже здесь проблема творческого начала бытия требовала нетривиальных подходов. По архивным документам историк мог филигранно реконструировать ход событий, их предысторию и последствия, восстановить экономические отношения в обществе и социальное расслоение, описать действующих в нем людей. Тем не менее, за скобками часто оставались их чувства и преимущественно те, которые не принесли никаких результатов. Скажем, учёными в достаточной степени были показаны связи крестьянских мятежей и городских восстаний с последствиями военных разрушений, с голодом или ростом налогов. Но вопрос о том, как такие материальные обстоятельства были опосредованы в сознании людей, вызывая те или иные поступки, зачастую оставался неразрешимым. Особенно ярко это проявлялось в тех случаях, когда возмущение выражалось в таких символических формах, как традиционные игры в «мир наоборот» во время средневековых мятежей и карнавалов [1. С. 9-58; 2. С. 166-185].

Не подвергалось сомнению также то, что в центре любого исследования поведения должен находиться действующий субъект, поскольку, как писал ещё М. Вебер, всякий поступок человека в обществе имеет «субъ-

ективный смысл». Одновременно немецкие учёные соглашались с тем, насколько сложной задачей является постижение этого смысла [3. С. 59]. Историки не раз убеждались в наличии значительной разницы между намерениями людей и их практическим осуществлением, между подлинными идеалами человека и его рассуждениями о них. Конечно, было разработано немало способов, чтобы преодолеть эти трудности при изучении деяний отдельных личностей в истории и получить адекватное объяснение их поступкам.

Ещё сложнее обстояло дело с анализом коллективного поведения. Особенно там, где действующими лицами являлись не члены небольшой группы людей с одинаковыми функциями или с их чётким распределением, а изолированные друг от друга люди, любой из которых думал и действовал самостоятельно. Здесь коллективная деятельность могла быть истолкована в форме наиболее типичных поступков и отношений, в силу чего казалось невозможным определить «субъективный смысл» групповых поступков, выслушав лишь одного из её членов. Историками всегда признавалось наличие коллективного сознания, которое в известной степени наслаивалось на сознание индивидуальное, создавая специфические виды мотивации поведения. Поэтому для того, чтобы адекватно проанализировать человеческие деяния в прошлом, необходимо было расценивать их по правилам не только индивидуальной, но и коллективной психологии. Более того, следовало всегда иметь в виду то, что психологическая конституция людей изменялась на протяжении времени в ходе, словами Робера Мандру, «бесшумных революций разума». Иначе говоря, задача учёного усматривалась здесь в поисках «ментальной материи», присущей различным слоям и группам определенной эпохи, в осмыслении их «духовного профиля» и матриц поведения.

В конечном счёте, антропологический поворот в историописании ознаменовал обретение учёными новых объектов анализа. Впрочем, дело было не столько в этих предметах самих по себе (тем более что некоторые из них изучались, пусть менее подробно, и раньше), сколько в постановке кардинально новых проблем. Одно из определений исторической антропологии гласило, что её предмет - это «человеческий резонанс» эволюции общественной системы, те модели поведения, которые она порождала или изменяла [4. С. 32-33]. В её рамках историки пришли к пониманию очевидной для этнологов и антропологов «непрозрачности» социальной реальности.

Она отразила вместе с тем концептуальные перемены в исторической науке, пытаясь за пределами видимых явлений обнаружить скрытые механизмы их существования, постичь логику их развития. Ульрих Раульф констатировал, к примеру, что возникновение исторической антропологии как познавательной стратегии произошло после того, как сложился свойственный ей тип дискурса, т.е. специфический характер постановки проблем и набор методов для их разрешения [5. С. 39]. Историки сделали шаг вперед от простого описания единичного и особенного к анализу его сердцевины. А именно, к разгадке тайн «слитности» человека и социума, к фиксации целостности исторической реальности в действии, где людьми каждый раз по-иному преломлялись «анонимные» структуры и процессы.

Поиски на этом пути, без сомнения, объединяли усилия представителей всех гуманитарных дисциплин. Неудивительно поэтому, что историко-антропологические трактовки в Германии чрезвычайно многоплановы и разнообразны. Сегодня вряд ли можно найти историков, которые намеренно оставляют вне внимания антропологические сегменты общественного континуума. Кроме того, из-за большого количества пересечений и точек соприкосновения не менее трудно разграничить её исследования с этнологией, этнографией, фольклористикой, социальной психологией и другими науками о человеке. Учитывая заявленные эпистемологические намерения исторической антропологии, это неизбежно. Ибо, если на уровне теоретических установок она определялась как «всеохватывающая» концепция, способная предложить комплексную картину прошлого, то на уровне конкретно-исторической практики её границы беспредельны.

Исходя из этого, вполне закономерен и логически объясним процесс расширения («полидисциплинаризации») фронта работ исторической антропологии. Предмет её анализа, а следовательно, источниковая база и методический арсенал неразрывно связаны, прежде всего, с теми науками, которые видят «вечный двигатель» истории не в материальной сфере, а в сфере человеческого духа. Это - и традиционная история идей, и интеллектуальная история, и культурная антропология, и психоистория. Причём иногда достаточно было незначительного изменения ракурса исследования, чтобы превратить, например, идеологический трактат или текст литературного произведения в источник по истории ментальностей или жизненного опыта в целом. Кроме того, так как последние увязывались, главным образом, с будничной жизнью людей, то историческая антропология была неотделима от дисциплин, направленных на её изучение. В результате, пространство историко-антропологического дискурса объединило в себе множество версий постижения прошлого. Они обозначались часто под общим названием - история повседневности, или микроистория, предметом анализа которой являлись тысячи составляющих «рисунка жизни» человека: пристрастия в чтении, семейные традиции, привычки и т.д. [6].

Вместе с тем немецкие учёные не забывали о том, что по сравнению со всеми этими дисциплинами особенность их варианта исторической антропологии заключалась в её стремлении не просто проанализировать различные параметры социального действия, а

увязать их воедино. Её цель - это создание целостной картины бытия, пусть и существующей лишь на субъективном уровне. Другими словами, той картины окружающего мира, которая складывалась в ходе его осмысления конкретными людьми, в конкретных координатах времени и пространства. С превращением антропологических аспектов истории в одну из наиболее актуальных тем изучения прошлого они попали с начала 70-х гг. в зону внимания самых различных научных школ и течений. Более того, поскольку данная тематика получила широкое признание у общественности, её распространение шло достаточно быстро. Палитра исканий в этой сфере многоцветна и вряд ли подлежит какой-либо четкой систематизации. Здесь можно назвать как традиционные антропологические дисциплины, получившие в эти годы поддержку и новые стимулы к развитию (этнография, прикладная культурология, краеведение и т.д.), так и отметить оживление в Германии, например, психоистории, а также становление новых вариантов человековедения, скажем, тендерных интерпретаций.

Исходя из этого, попытаемся очертить контуры «тематических полей» исторической антропологии [7; 8. S. 251-265], на которых часто работают представители самых различных школ и направлений. Хотя грани между ними условны и размыты, тем не менее целесообразно их констатировать для того, чтобы обозначить траектории нового прочтения истории.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК АМБИВАЛЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ

Наиболее отчетливо опыт трансдисциплинарного сотрудничества в постижении узлов взаимодействия человека и общества проявился в истории повседневности, эволюция которой в немецкой историографии происходила в условиях острой и одновременно продуктивной полемики [9. S. 1-14; 10. S. 78-109; 11; 12. S. 57-72]. Имеет смысл остановиться на этом «тематическом поле» подробнее, поскольку изыскания здесь не только показательны для поисков интегральной версии изучения прошлого, но и продемонстрировали их логические перипетии. История будней постаралась выйти за рамки уже традиционных толкований материальной культуры, питания и потребления, одежды и жилья, условий труда и т.д. В конечном счете, она нацелена на изменение интересов исторического познания, на переосмысление и обновление его традиционно сложившихся отраслей. Она намеревается не только описать «историю снизу» и «историю изнутри», но и обозначить точки роста и векторы её динамики [13. С. 77-100; 14. С. 182-198]. В центре внимания истории будней находятся, с одной стороны, объективные детерминанты мира жизни простых людей во всех её проявлениях, с другой - субъективные параметры их жизненного опыта. Поэтому с нею связываются подчас самые различные намерения и, преимущественно, здесь переплетены интересы приверженцев разных направлений обновления историописания. Причём, если в сфере теоретических суждений между ними наблюдались определенные различия, то в сфере эмпирической практики они постепенно утра-

чивали свою остроту. Вряд ли кто будет спорить с П.Л. Бергером и Т. Лукманом, что взаимодействие людей в повседневной жизни подчинено принципу «здесь и сейчас» и протекает в ситуации «лицом к лицу». Собственно это и позволяет выявить микромеханизмы социального конструирования реальности, поскольку именно здесь учёный способен обнаружить зародыш любого изменения системы. Не менее убедителен и вывод о том, что чем дальше он отходит от этой ситуации, тем больше возрастает типизация и анонимность предмета исследования [15. С. 59].

Из весьма большого количества исследований по данной тематике правомерно выделить работы, наиболее ярко демонстрирующие смену парадигмы и ориентированные на социоантропологический способ видения прошлого. Прежде всего, отметим выход в свет в конце 70-х гг. трех сборников статей по социальной истории повседневности. Они были посвящены будням индустриального века, гражданского общества и изменениям обыденной культуры в Германии [16-18]. Не столько их программные заявления, а скорее обилие в них ранее не изучаемых вопросов, сделали эти издания своеобразным вступлением в формирование истории повседневности в ФРГ. Важная инициатива в данном направлении познания исходила также из Мюнстера от специалистов по социальной и экономической истории Ханса Ю. Тойтеберга и Петера Боршайда. Они издают, начиная с 1983 г., серию под названием «Изучение истории повседневности», отдельные тома которой посвящены различным аспектам человеческой жизни и, в частности, истории жилья, истории питания и т.д. [19].

Чрезвычайно актуальной и привлекательной для немецкой истории будней стала тема «маленького человека» во времена фашизма [20]. Собственно с изучения этой темы приверженцами «исторической социальной науки» (или *social science history*) она когда-то и начиналась. Учёные пытались соединить решение двух важных задач - выявление и актуализацию субъективного исторического опыта и сохранение систематизирующей перспективы его анализа. Один из самых известных проектов в этом направлении был предложен Институтом современной истории в Мюнхене и посвящался различным формам преследования жителей Баварии, а также их сопротивления в 1933—1945 гг. [21]. Значение этого шеститомного издания, которым руководил Мартин Броскат, заключалось в оценках и дифференциации социального состояния и политического поведения населения в Третьем рейхе в зеркале конфиденциальных сообщений. Оно осуществлялось в рамках «понимающего познания», главная цель которого виделась в том, чтобы не просто оценить опыт людей с высоты собственных стереотипов и заблуждений, а осмыслить его как «чужое» прошлое. Для этого М. Броскат считал необходимым отказаться от традиции «выводить» факты из системного характера общества и обратиться к анализу самого «фундамента человечности». Именно постижение «реальных проблем повседневности» могло, на его взгляд, создать пространство для диалога эпох (кстати, как и предпосылки для диалога в своей собственной эпохе). Только вернувшись к этому фундаменту, т.е. к изучению микроуровня локальных событий, учёные надея-

лись в последующем достичь синтезирующего эффекта «истории общества». Они ориентировались на выявление всего многообразия конкретных практических мотивов деятельности людей, определявших их повседневное существование и способы коммуникации в обществе.

Более отчетливо это проявилось в книге «От Сталина до денежной реформы. К социальной истории перелома в Германии» [22], авторы которой обратились к анализу процессов «превращения опыта в политику». По их мнению, только исходя из обыденной жизни людей, следовало объяснять, что собственно представляли из себя общественные структуры в реальности и как они здесь «осуществлялись». Перенесение центра тяжести на толкования человеческого опыта открывало перед ними новые возможности осмысления исторического процесса во всей его противоречивости и неоднозначности. В конечном счёте, этот опыт, на их взгляд, и представлял собой совокупность этих жизненных противоречий. Трансформация обыденных установок в политику рассматривалась учёными в контексте их естественного саморазвития и усложнения. В каждом конкретном случае из первозданных глубин опыта повседневного органично выводился опыт политический, что позволяло историкам проследить конкретные механизмы эволюции последнего.

Существенным вкладом в обоснование истории повседневности как нового направления социальной истории, ориентированного на антропологические подходы стали работы Детлефа Пойкерта [23, 24]. Используя опыт мюнхенских историков, он продолжил изучение проблем повседневности при национал-социализме. В частности, им предложен анализ представлений в эти годы о друзьях и врагах народа и общества, описаны три основные формы поведения рядовых граждан: приспособления к условиям, устранения их от внешних обстоятельств или акции протеста в обыденных ситуациях. Между тем Д. Пойкерт однозначно настаивал на необходимости «направляющей теории» для истории повседневности. В качестве таковой он предлагал теорию коммуникативного поведения Юргена Хабермаса. Именно на этом пути, по его убеждению, для истории будней представлялась возможность стать посредницей между микро- и макроуровнями мироздания, между изучением опыта и системным анализом, а также между антропологическими и более строгими социологическими постановками вопроса. Правда, справедливости ради, следует отметить, что многие исследователи проблем будничной жизни людей и их отношения к фашизму оставались в стороне от подобных дискуссий. Да и спектр толкований в этой сфере, принимая во внимание её политическую окраску, достаточно разнороден в методологическом оснащении [25. С. 80-102; 26. С. 128-147; 27. С. 172-174]. Однако, при всех оговорках, можно обозначить в попытках практического преодоления прежней разорванности человека и обстоятельств его деятельности некоторые позитивные сдвиги, хотя многими учёными ощущалась тщетность их попыток преодоления дуализма в подходе к данной проблеме. Словами того же Д. Пойкерта, «анонимные» структуры и процессы по-прежнему воспринимались как первичные и внешние реалии, по отношению к которым человек оставался страдательным объектом [23. С. 64].

Его «жизненный мир», при всей широте охвата, представлялся лишь как способ индивидуального переживания уже заданных ему обстоятельств, в то время как его творческий потенциал в эту страшную эпоху отодвигался на второй план.

В связи с этим примечательны авангардные трактовки рабочего класса и рабочего движения в Германии, поскольку именно здесь процессы эволюции общества особенно рельефно представлены как результаты действия конкретных социальных сил. Этот предмет исследования не только стал одним из основных в «новой» немецкой науке вообще. Можно сказать также, что смена ориентиров в социальной историографии не проявилась нигде так отчетливо, как на примере осмысления «мира трудящихся». Если в 60-70-е гг. множество публикаций на эту тему были сосредоточены, главным образом, на проблемах социально-экономического положения рабочих и политических аспектах их движения, то уже в конце 70-х гг. положение изменилось [16; 28. S. 8-39; 29. С. 63-129]. Учёными подчеркивалась необходимость не просто увидеть рабочего как «маленького человека» с его повседневными потребностями и интересами. Он заслуживал внимания, в первую очередь, как творческое начало истории, т.е. для того, чтобы объяснить, как индивиды и группы людей, выражая и мотивируя свои интересы, радикально трансформировали окружающий мир [30. С. 53-68]. Надо отметить, что процесс переориентации в данной области шел параллельно с заимствованием опыта английской историографии, где Э.П. Томпсоном впервые были опробованы социально-антропологические подходы к интерпретации мировидения рабочих. Более того, проект Э.П. Томпсона был охарактеризован как модель новой истории повседневности, а его работы признаны классическими и переведены на немецкий язык [31; 32; 33. С. 180-189]. Особую роль в этом плане сыграл сборник статей «Плебейская культура и моральная экономия», поскольку здесь предлагалась «расширенная концепция культуры», которая поставила на синтезирующую основу изучение мира жизни рабочих.

Первые результаты инноваций в данном тематическом пространстве появились в 1979 г. в сборнике «Культура рабочих» под редакцией Герхарда А. Риттера [34]. В этом же году вышел специальный номер журнала «История и общество», полностью посвященный проблемам рабочей культуры в XIX в. [35]. Именно здесь Юрген Кокка впервые заявил о том, что такой способ видения рабочего движения включает в себя (хотя и неявно) новое понимание исторической науки. На его взгляд, оно обращено как раз против *social science history* с её высокими теоретическими требованиями. По этой причине Ю. Кокка предостерегал историков как от скепсиса по отношению к теории, так и от эйфории по поводу тех возможностей, которые предлагала интерпретация культурных феноменов. Учёный настаивал, кроме того, на разграничении понятий культуры рабочих и культуры рабочего движения, а также на необходимости новой формулировки столь общей дефиниции как культура народа. Ю. Кокка призывал выйти наконец-то за рамки традиционного понимания культуры как одного из многих параметров исторического бытия. Он характеризовал её как «многозначную систему, обосновывающую или несущую на себе смысл происходящего».

Историк соглашался с тем, что конкретные проявления культуры в жизни и обществе можно изучать «в абстрактном размежевании с экономикой, политикой и даже массовой культурой». Но все-таки понять их можно, с его слов, «только в поддающемся анализу взаимодействии с ними» [35. S. 8].

Эти пожелания были реализованы в исследовательской практике тех историков, которые попытались уйти от опасности линейного схематизма сциентистской перспективы анализа. Но, главное, они не теряли надежды обеспечить реальную возможность связать жизненный опыт действующих лиц истории с условиями их деятельности. Эти цели преследовали в своих работах Ф.Брюггемайер, М.Грютнер, Х.Штефенс и другие немецкие учёные [36]. Важное значение при этом имели работы Альфа Людтке, где была сформулирована программа изучения «смысловых характеристик пролетарского сознания в период расцвета фабричной индустрии» [37. S. 311-350; 38. S. 537]. В них указывалось на необходимость анализа линий взаимопроникновения между способом производства и образом жизни людей. В центр внимания учёного были поставлены будни рабочих, которые он стремился не только описать, но и включить в контекст социально-экономических процессов, опираясь на идеи неомарксизма и теорию «колонизации жизненных миров» Ю. Хабермаса. А. Людтке рассматривал в качестве исходной концептуальной посылки истории рабочих XIX-XX вв. классическую модель социального неравенства в её неортодоксальном варианте. Причём связи господства и подчинения оставались для него «первичным» уровнем общественной системы. Параллельно же с этой объективной логикой социальных отношений в представлении А. Людтке существовала и другая логика. Имелась в виду логика специфической повседневной культуры угнетаемого рабочего класса, логика её «собственного смысла», функционирующая по ту сторону официальной политики и противостоящая ей. Эти два уровня бытия, две его логики и символизировали у А. Людтке «одновременность разновременного» в индустриальном обществе [38. S. 538].

Если продолжить обзор ориентированных на новые стандарты познания тематических пространств, то нельзя не отметить ещё одно из них, связанное с творчеством объединения учёных, которое возглавил Лутц Нитхаммер. В 80-е гг. он решительно выступил в поддержку программы истории повседневности [17; 39. S. 231-342]. Правда, призывал учёных познакомиться не только с методами социологии, но и американской устной истории, столь необходимыми, на его взгляд, для изучения будней недавнего прошлого. Л. Нитхаммер надеялся проследить по воспоминаниям свидетелей времени (и соответственно, выявить в коллективной памяти людей) «живое целое», а именно систему различных, но нерасчленимых компонентов человеческих мыслей и деяний. Наиболее крупное исследование данного объединения посвящено жизни и социальной культуре в Рурской области в 1930—1960 гг. [40-42]. Здесь на основе подробного анализа устных воспоминаний был реконструирован жизненный опыт людей в период фашизма и послевоенные годы. Три тома этого издания объединяло стремление авторов показать динамику развития немецкого общества, вскрыть механизмы непрерывного процесса обновления представле-

ний людей о себе и об окружающем мире. Учёные специально изучали предпосылки утраты доверия к демократическим институтам и победы в «умах народа» фашистской идеологии. Затем они анализировали послевоенный опыт немцев, в частности, их растерянность, связанную с крушением привычных стереотипов мышления и поведения. И, наконец, в третьей книге была предложена характеристика процесса переориентации общественного сознания в русле единого потока социальной демократизации Рурской области. Следует отметить, что данная работа имела самый широкий резонанс в Германии, поскольку касалась животрепещущих проблем её истории. Привлекла к себе внимание она и научной общественности, так как ставила своей целью не только реконструкцию жизненного опыта немецкого народа, но и интерпретацию его как субъективной предпосылки социально-политического поведения.

Некоторые итоги развития истории повседневности и уточнения её задач и интересов были предложены в сборнике статей, вышедшем в 1989 г. под редакцией А. Лютке [43]. Здесь акцентировалось, что предметом познания истории будней стала социальная практика людей. Её же основная задача представлялась в том, чтобы разъяснить события повседневной жизни человека, с одной стороны, как отражение его субъективных ориентаций, а с другой - как составляющую глобальных системных процессов. Рассуждения о посреднических функциях истории будней переплетались с программными заявлениями приверженцев «новой гуманитарности» самых разных ориентаций. Неудивительно поэтому, что на просторах *Alltagsgeschichte* были обозначены точки пересечения различных перспектив познания прошлого. Отметим лишь в качестве примера полемическую статью «в защиту истории повседневности» П. Боршайда [44]. Рассуждая о её перспективах, он обратил внимание коллег на возможности использования здесь, наряду с множеством других моделей, философской феноменологии А. Шютца и его теории жизнедеятельности человека. История будней, - писал учёный, - сделала темой своих изысканий наиболее типичные поступки и мысли людей. Она анализирует, каким образом условия жизни и идеи находили выражение в жилье, одежде и питании, в частной жизни и в профессиональной подготовке, в удовольствиях и общении, т.е. в их культуре в самом широком смысле этого слова. Именно культура, подчеркивал П. Боршайд, не только придавала смысл человеческой жизни, но и являлась стабильным фундаментом его поступков. Исходя из этого, в другой своей работе он делал вывод о том, что история повседневности - это не «модная безделушка», а «ворота к новому пониманию прошлого», поскольку в ней, как в капле воды, отражается логика исторического процесса [45,46].

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Все вышесказанное позволяет обозначить один из главных результатов размышлений немецких учёных по поводу новых моделей историописания. Исходя из разных посылок, они делали акцент на том, что механизмы эволюции общества могут быть осмыслены в ходе анализа модификаций человеческого опыта или

культуры в антропологическом понимании этого слова. Её атрибуты - знания, ценности, нормы, верования и т.д. - располагались в «культурной практике» людей, в их творчестве, активности и переживаниях. Именно она была заявлена в качестве предмета изучения этнологической социальной истории. Её нововведения в толкованиях культуры вырастали не только из интеллектуальной полемики с зарубежной социологией, этнологией и культурной антропологией. Серьезное воздействие на развитие этого течения в Германии оказали получившие широкое признание в мировой науке конкретно-исторические трактовки дефиниции культуры. Как раз с ними был связан во многом новый виток интереса к антропологически ориентированному историописанию. При этом самое широкое внимание нашли работы россиянина А.Я. Гуревича [47], английского историка П. Бёрка и француза Р. Мюшембле. Значительное влияние на немецких учёных оказали также книги английского историка Э.П. Томпсона, итальянца К. Гинзбурга, а также яркие работы американки Н.З. Дэвис. Более того, предложенный ею детальный анализ городской культуры XVI столетия буквально стал для них образцом «нового» толкования прошлого. Большинство этих книг вышли в переводах на немецкий язык [48,49].

Что касается самой немецкой науки, то здесь большой вклад в изучение «культуры простых людей» в истории внес Рихард ван Дюльмен. Изданные в 80-х гг. под его редакцией сборники статей были нацелены, в первую очередь, на «новое открытие забытой повседневности» XVI-XX вв. [50-52; 53. С. 199-209]. В них поднимались вопросы о кодексе чести и значении ритуалов, о культурных обычаях жизни баварцев и процессах укрепления дисциплинарных норм поведения людей. Ориентиры обновления исторического исследования народной культуры были изложены в статье Норберта Шиндлера под образным названием «Следы в истории «других» цивилизаций» [54. S. 13-77]. В центр внимания учёных автором ставились две столь разные, но связанные друг с другом задачи. Во-первых, интерпретировать «знания и опыт, поступки и культурную практику зависимых и угнетенных групп и классов не как формы выражения объективных традиций, а как моменты их собственных жизненных связей». Во-вторых, проанализировать свой предмет «как специфическую форму овладения человеком заданными ему изначально структурами», а также проследить логику включения его в объективные процессы [54. S. 10].

Задачи, безусловно, важные. Более того, здесь сливались интересы представителей самых разных течений, возникновение которых было связано с бесконечной фрагментацией тематического пространства историко-антропологического дискурса, ключевым понятием которого всё отчётливее становилось понятие культуры. В качестве убедительных примеров этому можно предложить статьи Ханса Медика о плебейской культуре в фазу перехода к капитализму и о молодежной сексуальной культуре в сельском обществе раннего Нового времени [55, 56].

Н. Шиндлер писал о смеховой культуре XVI в., об образе мира у нищих в XVII столетии, а также об истории народных обычаев порицания и наказания [1. P. 9-

58; 57-58]. Историки Веймарской республики, анализируя повседневную жизнь немецкого народа, показывали его ментальную predisposedность в те годы к идеологии экстремизма [59], а Ева Лябуви, опираясь на этнографические и семиотические модели, предложила анализ мужских представлений о магии и ведовстве сквозь призму обновления тендерных конструкций [60]. В ходе обсуждения предложенных образцов интерпретации культуры, связанных с определением смысловых характеристик реальности, была отмечена её многоликость. Это не только определенные тексты, нормы морали, произведения искусства, устная традиция и т.д., которые напрямую служили толкованию смысла, но и «творения человека», имеющие совершенно иные функции. С точки зрения историков, многие действия человека и их результаты (скажем, ремесленный труд, парламентскую речь, любовные отношения, меры наказания и, наконец, образцы промышленных изделий) можно одновременно интерпретировать как составляющие культурных связей.

Некоторые критические итоги проделанной работы подвел в 1988 г. Вольфганг Кашуба [61]. В своей книге, размышляя о судьбах народной культуры в истории и возможностях её изучения, он призывал научное сообщество к отказу от статичных и унифицированных характеристик дефиниции культуры. Учёный в который раз указывал на то, что «мир жизни» человека и его социальная практика в обществе могут получить разъяснение только во взаимосвязи друг с другом. Поэтому специфической сферой интерпретаций народной культуры в нашей науке он считал анализ её как культуры «творцов истории». При определении диспозиции человека и общества В. Кашуба соглашался с необходимостью использования разработок в этой области «строгих» дисциплин. Вместе с тем он обращал внимание коллег на перспективы изучения ментальных структур, а также предложил опыт истолкования народной культуры как символической структуры. Автор видел задачу её эмпирического анализа не столько в поиске общечеловеческого в истории или в типологии поведения людей, сколько в анализе «той культурной реальности, контуры которой обозначены в символах социальной практики». Культура понималась здесь, по образному выражению учёного, как «разграничивающий горизонт между историческим опытом и деятельностью людей, на котором одновременно отображались и «познавательные», и нормативные составляющие социального бытия» [61. S. 201]. (См. также реферативные обзоры, подготовленные ИНИОН [62-65]).

Обзор историко-антропологических штудий конца XX столетия в ФРГ ярко демонстрирует расширение горизонтов изучения прошлого. Учёные часто обращались к непривычным темам, которые социальная история долгое время отодвигала в сторону как незначительные или курьёзные. Хотя историк в эти годы по-прежнему был связан рамками места и времени, он все чаще отправлялся от проблемы, поставленной теоретическим обществоведением, которую и изучал на своем материале. Эпистемологическая ценность рассмотренных работ в том, что они позволяли по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомые исторические события. Предметом их изучения стал

образ жизни простых людей, который включал в себя их обыденную жизнь и субъективные представления о мире. Наиболее привлекательной для сторонников антропологической версии интерпретации минувшего оказалась её социокультурная ориентация. Человек как выразитель тенденций времени, жизненный опыт человека во всём многообразии его составляющих и интеллектуальная деятельность людей - вот главные темы изысканий новаторских течений в немецкой историографии.

Вместе с тем историческая антропология не только ориентировалась на новые темы, но и настаивала на ином обращении с прошлым, на новом понимании исторической науки вообще. Обзор антропологически оформленных тематических пространств показал их связь с динамикой обновления фундаментальных основ историописания. Несмотря на то, что все новые направления преследовали собственные интересы (обусловленные различиями в предмете анализа), они были единодушны в своем интересе к «маленькому» человеку в «большом» мире. Социальная практика людей стала отправным пунктом научного анализа. Учёные стремились сделать категорию жизненного опыта столь же важной, как и категорию структуры. Лейтмотивом изысканий звучал тезис о невозможности спрессовать «мир прошлого» в какие-либо схемы исторического развития.

Новые объекты, проблемы и процедуры анализа, предполагавшие расширение и углубление междисциплинарных связей, приводили между тем к дроблению предметного поля исторической антропологии, представленной множеством субдисциплинарных версий. Направив свои усилия на создание «всеохватывающей» картины амбивалентных взаимоотношений человека и общества, она прилагала немало усилий, чтобы увидеть её целостность. Для этого нужны были новые ориентиры историописания, поисками которых и занимается сегодня вся мировая наука [66, 69]. В ФРГ они, бесспорно, связаны с осмыслением и переносом на немецкую почву идей, возникших внутри иных научных традиций [70]. Опыт же немецкой историографии на этом пути интересен прежде всего тем, что она с присущей ей всегда основательностью стремилась принимать и развивать позитивное, выявлять и отсеивать ошибки и уже на этом фундаменте пытается обновлять свои собственные традиции. Здесь как нигде отчетливо проявилась установка на то, что присвоение методов других наук плодотворно лишь при условии сохранения приоритета «понимающих моделей» постижения прошлого.

Обращает на себя внимание в этой связи новое осмысление истории культуры и её потенциала. Именно с ней связываются надежды на создание комплексной картины прошлого, способной раскрыть диалектику взаимосвязей человека и общества. Конечно, речь не идёт о той традиционной истории культуры, которая по причине произвольности выбора своего предмета и простого описания событий была когда-то подвергнута критике многими социальными историками. Вместе с тем её направления, вдохновляемые традициями «истории Духа» и связанные с именами Я. Буркхардта и Э. Кассирера, К. Лампрехта и Г. Штейнгаузена (как, впрочем, и прежнее народоведение) были подвергнуты самому тщательному ана-

лизу [71,72]. В ходе его всё яснее становилось то, что при всех отличиях этих конструктов от современных подходов их нельзя недооценивать. По заявлениям немецких историков, труды их великих классиков послужили «каменоломней» для новой культурной истории, что в последние годы неоднократно показывали, например, Р. ван Дюльмен и Х.-П. Дюрр [73, 74].

В силу этого в своем стремлении к интегральным образцам изучения системы антропологическая историография исповедывала осторожное обращение с социологическими теориями. Примечательно в этом плане пристальное внимание немецких историков к построениям К. Гирца, который понимал под «плотным описанием» смешанную форму логического обоснования, объединяющую теоретические и нарративные способы аргументации. Он призывал учёных не «присваивать» прошлое, т.е. то, что они видят в другой культуре, а искать, на что это похоже.

Иначе говоря, находить такой язык описания, который позволял бы сохранить это «другое» в положении «извне». Не менее показательно и обозначившееся в эти годы постепенное смягчение остроты полемики между представителями сциентистской исторической науки и сторонниками антропоцентризма. Опыт эмпирических исследований стал фундаментом обновления как тех, так и других моделей постижения прошлого. В 90-е гг. смысловой фокус антропологизации истории смещается на поиски «третьего» пути в объяснении соотношения целого и части. Признав эвристическое значение полимаштабного видения объекта изучения и междисциплинарных подходов, учёные сосредоточили интерес на формулировке *новых* представлений о синтезе. Их усилия вылились не только в попытки объединения микро- и макроанализа, но и в новые представления об историческом универсуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schindler N. Karneval, Kirche und die verkehrte Welt. Zur Funktion der Lachkultur im 16. Jahrhundert//Jahrbuch für Volkskunde. 1984. S. 9-58.
2. Корнер В.Ф. О карнализации как генезисе «двойного сознания»//Вопросы философии. 1991. № 1. С. 166-185
3. Моммзен В. Макс Вебер и историческая наука//Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 59.
4. Бюрджер А. Историческая антропология (реф. обзор Е.В. Горюнова)//История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 32-33.
5. История ментальностей. К реконструкции духовных процессов: Сборник статей под ред. У. Раульфа (реф. обзор Е.М. Михиной)// История ментальностей, историческая антропология. С. 39.
6. Дюльмен Р. ван. Историческая антропология в немецкой социальной историографии//THE518: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 208-230.
7. Dressel G. Historische Anthropologie. Eine Einführung. Wien u. a. 1996.
8. Bohme G. Vorlesung: Historische Anthropologie//Ders. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. Dannstadter Vorlesungen. Frankfurt, 1985. S. 251-265.
9. Borscheid P. Pladoyer für eine Geschichte des Alltäglichen//Ehe, Liebe, Tod/Hrsg. von P. Borscheid, H.J. Teuteberg. 1983. S. 1-14.
10. Alltagsgeschichte. Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit//Sozialgeschichte in Deutschland 111/Hrsg. von W. Schieder, V. Sellin. 1987. S. 78-109.
11. Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / Hrsg. von A. Lüdtke. Frankfurt a. M., 1989
12. Peukert D. Neuere Alltagsgeschichte und historische Anthropologie//Historische Anthropologie Der Mensch in der Geschichte.S. 57-72 usw.
13. Людтке А. Что такое история повседневности⁰ Её достижения и перспективы в Германии/УСоциальная история. Ежегодник 1998/99. М, 1999. С. 77-100.
14. Оболенская С.В. «История повседневности» в историографии ФРГ//Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 182-198.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 59.
16. Fabrik. Familie, Feierabend. Beiträge zur Sozialgeschichte des Alltags im Industriezeitalter/Hrsg. von J.Reulecke, W. Weber. Wuppertal, 1978.
17. Wohnen im Wandel. Beiträge zur Geschichte des Alltags in der bürgerlichen Gesellschaft/Hrsg. von L. Niethammer. Wuppertal, 1979.
18. Sozialgeschichte der Freizeit. Untersuchungen zum Wandel der Alltagskultur in Deutschland/Hrsg. von G. Huck. Wuppertal, 1980
19. Studien zur Geschichte des Alltags / Hrsg. von H.J.Teuteberg, P.Borscheid. MÜNster, 1983.
20. Обзор исследований Третьего рейха в перспективе истории повседневности см.: Peukert D. J.K. Das «Dritte Reich» aus der «Alltags»-Perspektive//Archiv für Sozialgeschichte. 1986. Bd. 26. S. 533-556.
21. Bayern in der NS-Zeit. Soziale Lage und politisches Verhalten der Bevölkerung im Spiegel vertraulicher Berichte/Hrsg. von M.Broszat u.a. 6 Bde. MÜNchen, 1977-1983.
22. Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland/Hrsg. von M.Broszat u.a. München, 1988.
23. Peukert D. Volksgenossen und Gemeinschaftsfremde. Anpassung, Ausmerzung und Aufbegehren unter dem Nationalsozialismus. KÖln, 1982.
24. Die Reihen fest geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus/Hrsg. von D. Peukert, J. Reulecke. Wuppertal, 1981
25. Ким С.Г. «Феномен Гитлера» в интерпретации исторической науки ФРГ конца 70-х - первой половины 80-х гг.//Вопросы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. Самара, 1991. С. 80-102.
26. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности»//Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 128-147.
27. Спротивление против национал-социализма: «Красная капелла» в движении Спротивления против национал-социализма: Энциклопедия Спротивления. 1933-1945. (рецензия Корчагиной М.Б.)//Вопросы истории. 1997. № 10. С. 172-174.
28. Peukert D.J.K. Arbeiteralltag - Mode oder Methode?//Arbeiteralltag in Stadt und Land/Hrsg. von H.Naumann. 1982. S. 8-39.
29. Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни//Конец рабочей истории? Под ред. М. ван дер Линдена: Пер. с англ. М., 1996. С. 63-129.
30. Ван дер Линден М., Лукассен Я. Прологомены к глобальной рабочей истории//Социальная история. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 53-68.
31. Thompson E.P. Die Entstehung der englischen Arbeiterklasse. 2. Bde. Frankfurt a. M., 1987 (engl, 1963).
32. Thompson E.P. Plebeische Kultur und moralische Ökonomie. Aufsätze zur englischen Sozialgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts. Frankfurt a M., Berlin, 1980.
33. Реферативный обзор: История ментальностей, историческая антропология...С. 180-198.
34. Arbeiterkultur / Hrsg. von G.A. Ritter. KÖnigstein, 1979.
35. Arbeiterkultur im 19. Jahrhundert//Geschichte und Gesellschaft/Hrsg. von J. Kocka. Jg. 5. 1979.
36. Briiggemeier F.-J. Leben vor Ort. Ruhrbergleute und Ruhrbergbau. Berlin, 1983.
37. Lüdtke A. Alltagswirklichkeit, Lebensweise und Bedürfnisartikulation//Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie. 1978. 11. S. 311-350.
38. Lüdtke A. «Kolonisierung der Lebenswelten» - oder: Geschichte als Einbahnstrasse//Das Argument. 1978. № 110.
39. Niethammer L. Anmerkungen zur Alltagsgeschichte//Geschichtsdidaktik. 1980. Bd.3. S. 231-242,
40. «Die Jahre weiß man nicht, wo man sie heute hinsetzen soll». Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet. Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930-1960. Bd. 1/Hrsg. von L. Niethammer. Berlin, 1983.
41. «Hinterher merkt man, daß es richtig war, daß es schiefgegangen ist». Nachkriegs-Erfahrungen im Ruhrgebiet. Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930-1960. Bd. 2/Hrsg. von L. Niethammer Berlin, 1983.

42. «Wir kriegen jetzt andere Zeiten». Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Landem. Lebensgeschichte und Sozialkultur im Ruhrgebiet 1930-1960. Bd. 3./Hrsg. von L. Niethammer, A. von Plato. Berlin, 1985.
43. *Alltagsgeschichte*. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen/Hrsg. von A. Ludtke. Frankfurt a. M., 1989.
44. *Borscheid P.* Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen//Ehe, Liebe, Tod/Hrsg. von P. Borscheid, H.J. Teuteberg, 1983. S. 1-14.
45. *Borscheid P.* Alltagsgeschichte. Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit//Sozialgeschichte in Deutschland III ... S. 78-109.
46. *Шюц А.* Структура повседневного мышления//СоцИС. 1989. № 2. С. 129-137.
47. *Scholze-Irrlitz L.* Moderne Konturen historischer Anthropologie: eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques LeGoff und Aaron J. Gurjewitsch. Berlin, Humboldt-Univ., Diss., 1993.
48. *Ginzburg C.* Der Kase und die Wiirmer. Die Welt eines Mullers um 1600. Frankfurt a. M., 1979.
49. *Davis N.Z.* Frauen und Gesellschaft am Beginn der Neuzeit. Studien über Familie, Religion und die Wandlungsfähigkeit des sozialen Körpers. Berlin, 1986 usw.
50. *Kultur der einfachen Leute*. Bayerisches Volksleben vom 16. bis zum 19. Jahrhundert/Hrsg. von R. van Dülmen. München, 1983.
51. *Volkskultur*. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags (16-20 Jh.)/Hrsg. von R. van Dülmen, N. Schindler. Frankfurt a. M., 1984. (2. Aufl. 1987).
52. *Armut, Liebe, Ehre*. Studien zur historischen Kulturforschung I/Hrsg. von R. van Dülmen. Frankfurt a. M., 1988.
53. *Ободенская С.В.* Культура простых людей. Народная жизнь в Баварии XVI-XIX вв. Сборник статей под ред. Р. ван Дюльмена//История ментальностей, историческая антропология С. 199-209.
54. *Schindler N.* Spuren in der Geschichte der "anderen" Zivilisation. Probleme und Perspektiven einer historischen Volkskulturforschung// Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags (16-20 Jh.).
55. *Medick H.* Spinnstuben auf dem Dorf. Sexualkultur und Feierabendbrauch in der ländlichen Gesellschaft der frühen Neuzeit//Sozialgeschichte der Freizeit/Hrsg. von G. Huck. 1980. S. 19-49.
56. *Medick H.* Plebejische Kultur. plebejische Öffentlichkeit, plebejische Ökonomien. Über Erfahrungen und Verhaltensweisen Besitzarmer und Besitzloser in der Übergangsphase zum Kapitalismus//Klassen und Kultur/Hrsg. von R. Berdahl u.a. S. 157-204.
57. *Schindler N.* Die Entstehung der Unbarmherzigkeit. Zur Kultur und Lebensweise der Salzburger Bettler am Ende des 17. Jahrhunderts//Bayer. Jahrbuch für Volkskunde. 1988. S. 61-130.
58. *Schindler N.* Jenseits des Zwangs? Zur Ökonomie des Kulturellen inner- und außerhalb der bürgerlichen Gesellschaft//Zeitschrift für Volkskunde. 1985. II. S. 191-218.
59. *Altag in der Weimarer Republik*. Erinnerungen an eine unruhige Zeit/Hrsg. von R. Portner. Ditseldorf etc., 1990.
60. *Labouvie E.* Manner im Hexenprozeß. Zur Sozialanthropologie eines «mannlichen» Verständnisses von Magie und Hexerei//Geschichte und Gesellschaft. Jg. 16. 1990. S. 56-78.
61. *Kaschuba W.* Volkskultur zwischen feudaler und bürgerlicher Gesellschaft. Zur Geschichte eines Begriffs und seiner gesellschaftlichen Wirklichkeit. Frankfurt a. M., 1988.
62. *Проблемы философии истории: традиция и новация в социокультурном процессе*. М., 1989.
63. *Левит С.Я.* Человек и социокультурная среда: Научно-аналитический обзор. М., 1989.
64. *Экология культуры*. М., 1990.
65. *Реутин М.Ю.* Народная культура Германии. Позднее средневековье и Возрождение. М., 1996.
66. *Алтухов В.* Смена парадигм и формирование новой методологии//Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 88-100.
67. *Зверева Г.И.* Историческое знание в контексте культуры XX века: проблема преодоления власти модернистской парадигмы// Гуманитарные науки и новые информационные технологии. Вып. 2. М., 1994. С. 127-142.
68. *Семенов Е.В.* Современное состояние и новая роль гуманитарных и социальных наук//Общественные науки и современность. 1997. № 1.
69. *Гольц Г.А.* Культура и экономика: поиски взаимосвязей//Общественные науки и современность. 2000. № 1.
70. *Кром М.М.* Историческая антропология. Пособие по лекционному курсу. СПб., 2000.
71. *Haas S.* Historische Kulturforschung in Deutschland 1880-1930. Geschichtswissenschaft zwischen Synthese und Pluralität. Köln, 1994.
72. *Boltenbeck G.* Bildung und Kultur. Glanz und Elend eines Deutungsmusters. Frankfurt a. M., 1994.
73. *Dülmen R. van.* Kultur und Alltag in der Frühen Neuzeit. 3 Bde. München, 1990-1994.
74. *Duerr H.-P.* Der Mythos vom Zivilisationsprozess. 3 Bde. Frankfurt a. M., 1988-1993.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 20 ноября 2002 г.